
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОДЫ РОССИИ И ЗАПАДА: СПЕЦИФИКА ДИАЛОГА

УДК 316.7 : 008 : 001.8

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>

Вячеслав Александрович РЕМИЗОВ,

Эксперт управления научной работой Московского государственного
института культуры, e-mail: remizov1941@mail.ru

Олег Вячеславович РЕМИЗОВ,

Старший преподаватель кафедры Режиссуры театрализованных
представлений Московского государственного
института культуры, e-mail: oremizov@mail.ru

Татьяна Анатольевна ДОРОНИНА,

Аспирант кафедры философии Московского государственного института
международных отношений/университет/МИД, e-mail: ta-nia@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены характеристики цивилизационных кодов англо-саксонской и российской цивилизационной систем. Отмечены их соотносительные содержательные кластеры. Параллельно сосредоточено внимание на ряде вопросов, вытекающих из процессуального соотношения культуры и цивилизации: о ведущем значении культуры в диаде с цивилизацией; об «историческом архетипе» и культурно-цивилизационном воздействии на него. Обращается внимание на полимерность и противоречивость межцивилизационного диалогового процесса. Отмечено, что межцивилизационные диалоги могут обретать форму «мягкой силы», которая противостоит агрессивной пропаганде и таким явлениям как «культура запретов», «русофobia», «экономический нацизм» и т. д. Подробно анализируются такие формы цивилизационного диалогического взаимодействия, как «технологический духовный феодализм», темы поиска оснований «новой цивилизации», «суверенитета духа», «языка общения», «заката цивилизаций». Подняты вопросы межцивилизационного диалога в связи с современными политическими процессами.

Ключевые слова: культура, цивилизация, социокультурный контент, межцивилизационный диалог, цивилизационный выбор.

Для цитирования: Ремизов В.А., Ремизов О.В., Доронина Т.А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №1 (44). С. 45–53.
<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>

CIVILIZATION CODES OF RUSSIA AND THE WEST: SPECIFICS OF THE DIALOGUE

Vyacheslav A. Remizov, Expert in the management of scientific work of the Moscow State Institute of Culture, e-mail: remizov1941@mail.ru

Oleg V. Remizov, Senior Lecturer of the Department of Directing theatrical performances of the Moscow State Institute of Culture, e-mail: oremizov@mail.ru

Tatyana A. Doronina, Post-graduate student of the Department of Philosophy of the Moscow State Institute of International Relations/University/Ministry of Foreign Affairs, e-mail: ta-nia@yandex.ru

Abstract: The article considers the characteristics of the civilizational codes of the Anglo-Saxon and Russian civilizational systems. Their correlative meaningful clusters are noted. At the same time, attention is focused on a number of issues arising from the procedural relationship between culture and civilization: the leading role of culture in the dyad with civilization; about the "historical archetype" and the cultural and civilizational impact on it. Attention is drawn to the polymerization and inconsistency of the intercivilizational dialogue process. It is noted that inter-civilizational dialogues can take the form of "soft power", which opposes aggressive propaganda and such phenomena as "culture of prohibitions", "Russophobia", "economic Nazism", etc. Such forms of civilizational dialogic interaction as "technological spiritual feudalism", the search for the foundations of a "new civilization", "sovereignty of the spirit", "language of communication", "decline of civilizations" are analyzed in detail. Questions of intercivilizational dialogue are raised in connection with modern political processes.

Keywords: culture, civilization, sociocultural content, inter-civilizational dialogue, civilizational choice.

For citation: Remizov V.A., Remizov O.V., Doronina T.A. Civilizational codes of Russia and the West: specifics of the dialogue. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 1 (44), pp. 45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>

В современном межцивилизационном диалоговом процессе можно выделить несколько социокультурных истоков. Прежде всего обозначим существующие мировые цивилизационные анклавы. Сегодня, сопоставляя концепты цивилиологов от Ж. Гобино и Г. Рюккера до Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера; от Э. Б. Тайлора и Л. Г. Моргана до Т. А. Джо Тойнби и С. П. Хантингтона, можно выделить восемь основных цивилизационных потоков: англо-саксонский; российский; китайский; индийский; азиатско-мусульманский; японско-тихоокеанский; латино-американский и африканский [12, с.152–199]. В каждом из них существует своя структура, свои разграничения. Однако общее, как правило, типизируется и совершенно определенно фиксируется в цивилизационных центрах, в их характеристиках. Следует также отметить обострение различий между выделенными цивилизациями. Важнейшими из них выступают социокультурные составляющие. Особенно острыми в наши дни оказались отношения между англо-саксонским цивилизационным миром и российской цивилизацией.

Оценивая цивилизационную ситуацию в целом можно, опираясь на концепцию К. Ясперса об «осевом времени истории», можем отметить некоторую

аналогию[16, с.33]. Действительно, современный полицивилизационный мир, пройдя через войны, через разрушения монархических социальных систем, через упразднения эпохи колониализма с его державами, через захватнические мировые войны, через либеральные схемы общественных систем, через сумму научно-технических преобразований пришел к естественной проблеме дальнейшего развития и здесь встал вопрос о цивилизационном выборе. Этот вопрос сегодня локализовался вокруг «цивилизационного Запада» и России как другого цивилизационного центра мира. Первый настаивает на своей превентивности и на долженствовании всех «иных» подчиняться его «ценностям» и «порядкам». Второй утверждает свободное право развития «инаковости» и уважения «другого», поддержания духа сотрудничества и «соработничества». Вместе с тем проблема цивилизационного выбора сегодня погрузила мир в атмосферу войн, санкций, поиска идентичности, в обстановку взаимной нетерпимости и отчуждения. События нарастают и «схватки» каждый день добавляют событийный ряд, обрастают новыми аспектами, трендами. «Осевое время истории» раскручивает свои ситуационные спирали, усиливая напряженность исторического выбора на диалоговых площадках.

Вместе с тем, в данном процессе немалая роль принадлежит взаимодействию цивилизации и культуры, которая выступает своеобразным ядром общественной модели. И здесь, касаясь темы диалога, можно выделить два культурных кода. Один связан с англо-саксонским цивилизационным типом и характеризуется гипертрофией личностного фактора: персонального интереса и свободы вне морали, выбора гендерной модели человеческой самости; приматом потребительского сознания; допустимостью социального действия и образа жизни только в рамках юридического права общества потребления, вопреки этике христианства; проповедью евро-атлантического центризма во всем, как некого объективного закона [5, с.253–256].

Другой код исходит из России как цивилизационного субъекта: общность; служение малой и большой Родине, семье, дому; долженствование памяти предков и поколений; уважение и почитание верований, религий; языковая культурная общность и культ слова; поклонение символам Отечества, его истории; дружба и единство этносов, народов, национальностей; внemатериальное понимание смысла жизни [11, с.15–25].

Все данные поля кодов обретают статус культурных норм, «категорических императивов», как именовал объективный набор социальной необходимости И. Кант. Однако категоричность культурных норм способна определять изменчивость содержания цивилизаций. Здесь можно предположить возможность под их воздействием изменяться даже такой устойчивой форме как «коллективное бессознательное» с его архетипами – суммой символических образов, определяющих идентичность личности, этноса, нации согласно общеизвестной теории К. Юнга.

В данном случае культурные диалоговые процессы поливариативны, ибо они сами могут находиться под диктатом политики или идеологии. Они способны выступать в качестве реакционных, деятельностных моделей, или воплощаясь в пресловутые «фейки», существуя как «культурные инфекции»[13, с.232], которые проявляют себя сегодня и в виде акций «культуры отмены», «культурного сепаратизма», «культурного диссидентства», культурного калоброционизма, «культурного трансфера». Однако они также могут существовать и в виде актов культурных дискурсов, форумов, конференций, семинаров, коучингов; в виде культурных обменов, фестивалей, показов, творческих встреч, симпозиумов, концертов, конгрессов, выставок и т. д. В данном случае все это может обретать роль факторов так называемой «мягкой силы» – энергии притяжения, поддержки, которая реализуется в отношениях, диалогах, как приданье привлекательности той или иной культурной модели, культурному или политическому облику страны, народа [9, с.180–181]. Здесь нельзя не заметить, что западная пропаганда вчера и сегодня стремится демонизировать Россию. Об этом очень ярко еще в XVIII веке, например, писала знаменитая соратница Екатерины Великой – Екатерина Дашкова в дневниковых записках [3, с.69]. В наши дни это стало чуть ли не отраслью политических акций против России как со стороны США и ее сателлитов, так и со стороны их подпевал из числа нашей собственной интеллигенции, не говоря уже о голосах с Украины, Прибалтики и Польши, Англии и им подобным. Здесь и «русские совки», и «ватники», «колорады», и «агрессоры», и «варвары», и «бандерлоги» и даже «Орки». К сожалению, «помогает» этой «острой силе» и наше телевидение, и кинопрокат. Конечно прав Н. С. Михалков, говорящий, что судя по всем жутким фильмам о жизни современной России, никто не будет испытывать к ней добрые чувства, не захочет ни приезжать, не жить в ней. Чего, например, только стоит вышедшая недавно художественная лента Ладо Кватани «Казнь». Финансирувал ее, кстати, Фонд кино. В киноленте все российское представлено как мерзкое пространство: от погоды до ландшафта. Эпоха тоже мерзкая, живут люди грязно, плохо: похмельно, развратно, скандально. Лексика обсценная. Персонажи пакостные – маньяки типа Чекатило, которых рекордно много. Их жертвы, и те, кто маньяков ловит, – все отвратительны. И женщины – тоже, даже те, которых, что особенно обидно, играют красивые актрисы. Спрашивается, когда некому сопереживать, когда некого любить, не за кем наблюдать, когда много физиологической и ментальной грязи, то зачем этот фильм сегодня? Ведь он фиксирует отвратительное отношение к Родине, к обстановке в ней, искажая многое [6, с.26]. и это не частная мелочь кинопроката.

Под воздействием отмеченных факторов «капля за каплей» способен подтачиваться и набор существенных характеристик и содержания цивилизационного «духа», вслед которому трансформируется по элементам и весь цивилизационный каркас. Очевидно, что при анализе социокуль-

турного контента межцивилизационного диалога разумно исходить из понимания цивилизации не просто, как фиксации организации социума на основе способа общественного производства, прав, законов, политики, а как устойчивой модели человеческого сообщества системами фиксированных форм культурных ценностей: смыслов, ориентантов, коррелятов, мемов, символов, позициантов, идеалов, ментальностей, культурных норм взаимоотношений[10, с.66–67].

Действительно, именно система и уровень культурных форм обнажает «скрытую» цивилизационную сущность. Эту общую суть как «объективную субстанцию» А. И. Шендрек определял через понятие «дух цивилизации» [14, 520 с.], а в русской философской мысли начала XX века фиксировалось понятие «умственный строй» (Д. Кавелин)[15, с.6]. Все это в полной мере соотносится с современным культурно-цивилизационным диалогом, ибо, когда говорится о «коде культуры», о «матрице сознания», то в этом и обнаруживается «дух цивилизации», как контекст, как «умственный строй», внутренне присущий национальной памяти. На это обращал внимание и М. М. Бахтин, который говоря о диалоговой сути культуры, указывал, что сегодня культура сдвигается в центр, в средоточие человеческого бытия. И здесь, конечно, выяснить ее смысл, роль, место означает вскрыть корень решения важных проблем современности. Отметим также, что в свою очередь, В. С. Библер подчеркивал что дух цивилизации создает не только цивилизационный мир, но и «мой мир», мир «внутреннего» человека [1, с.413 с.]. Отсюда и характер его суждений, содержание, формы культурных диалогизмов и их разновидность. Таким образом во взаимодействии современной англо-саксонской цивилизации с российской цивилизацией можно выделить ряд феноменов, порождающих разные бифуркции такие как необходимость отыскания компромиссов, регулирующих позиций и возможности дискуссий, конструктивных дискурсов. Среди них тема свободы, демократии, гендерного бытия человека, соотношения этики (нравственности) и права; проблемы цивилизационного центризма; вопросы geopolитики, мира, безопасности жизни людей.

Во многом сегодня это охватывается в диалоге цивилизаций темой так называемого «технологического духовного феодализма», связанного с моделью однополярного или многополярного мирового устройства. С одной стороны, Западный мир во главе с США монополизирует за собой на основе технологического прогресса право «сюзерена» по отношению ко всем. Другая сторона, большая по численности народонаселения (Россия, КНР, Индия), выдвигает идею равенства интересов стран и народов, лежащую в основе справедливого распределения, производства, конкуренции, рынков сбыта и получения доходов.

Не последнюю роль в отмеченной диалоговой формуле играет, набирающая силу, идеологема либертарианства. Она в значительной мере,

например, связана с одной из самых духовно значимых книг в западном полуширье – романом философа и писателя из США Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) «Атлант расправил плечи» (Москва, 2011) с изложением в талантливой художественной форме мировоззрения, в основе которого положена идея абсолютной власти субъектов авангардного технологического хозяйствования, а также их верховенства относительно совокупности обществ и «массы» производителей. В данной философии обозначаются три ущербных позиции: слабость связи социальных действий и личности; отсутствие возможности «поступать иначе» и исключение «онтологических реальных альтернатив»; аксиоматичность не «свободы воли», а «свободы действия» (индетерминизм) [8, с.48–58].

Отметим, что Айн Рэнд стала одним из лидеров идей, которые в последующем сложились в общую теорию либертиаризма, связанную с именами Карла Гесса, Девида Ноланда, Джона Хосперса и принятую «майданным» режимом на Украине как национальная программа социо-культурного строительства украинского общества [2, с.400]. Вместе с тем, перед нами типичный пример псевдолиберальной идеологии, имеющей в своей основе безграничную финансово-экономическую свободу, именуемую подложно свободой рынка, создающей абсолютное подчинение рыночных процессов субъектам, подмявшим под свои частные интересы основные ресурсы и результаты социального развития. Однако либертиарство активно муссируется в молодежной среде, обсуждается на семинарах и коучингах, рассматриваясь как основа модели «новой цивилизации». В дискуссионном плане любопытно отметить как решается диалог между частным интересом и служением во имя блага людей в прогрессивном кинопроизводстве, например, в известном кинофильме итальянского режиссера Паоло Соррентино «Великая красота» или в одном из последних «киновысказываний» Андрея Кончаловского «Грех». Заметим, что здесь на трансцендентную высоту поднята диалоговая тема «суверенитета духа» как системы подлинных духовных ориентаций, идеалов, смысложизненных установок. В фильме Соррентино экстравагантный интеллигент, видящий смысл жизни в удовольствиях, оказывается ничтожной пустышкой, а высший смысл закрепляется в монахине, которая бескорыстно служит людям и своей человеколюбивой вере. То же и у Кончаловского. Его Микеланджело видит порочность мира наживы, но не утопает в этой реальности, а направляет жизнь на поиск художественной истины и на помощь своим близким, ввергая себя в адский, «греховный» труд. Со стороны России в данном контексте выработан цивилизационный концепт «просвещенного консерватизма». Он предполагает: преемственность традиций; уважение исторической памяти; нетерпимость к явлениям «манкуства» (Ч. Айтматов), к искажению истории Отечества; поддержку национальной сплоченности, спаянности целей, интересов на основе конституционного принципа единства социокультурной общности и культурно-

национальной автономии. Со стороны же англосаксов предлагаются идеи «общества потребления», сообщества «плавильного котла» (модель США), длительно муссировался в Европе концепт «мультикультурализма», приведший к «геттоизации» беженцев и окончательно дискредитировавший себя. Западная цивилизация теперь активно разрабатывает идеи ЛГБТ: смены пола, размывания гендерных различий, объявляя все это современным цивилизационным трендом.

Тема «суверенитета духа» вводит в диалог и проблему языка общения. Известно, что язык является составной частью ядра духовной культуры. Язык – это способ знакового кодирования процесса отражения и познания мира, памяти людей, это способы передачи информации в современном «цифровом» пространстве. Не удивительно поэтому, что в последние годы тема языка стала предметом активных диалоговых дискуссий. Особо можно отметить попытку объявить кириллицу устаревшей моделью и неадекватной для современного цивилизационного мира. То – есть в данном случае это так или иначе смыкается сегодня с концептом «отмены» русского языка, русской музыки, русского образа мышления, мироприятия и миропонимания. Тема «суверенитета духа» в западно-европейской интерпритации фашизируется, нацифицируется, обретая характер духовного тоталитаризма, который принуждает к однозначным установкам в оценке, например, победы во второй мировой войне, к терпимости по отношению к военным преступникам, к опорочиванию роли и значения освобождения Европы от фашизма. Наконец, сегодня западная пропаганда переиначивает пресловутую тему «заката» европейской цивилизации О. Шпенглера. Эта тема связывается с разделением цивилизаций на «демократические, свободные» и «авторитарные». Конечно, к первым идеологи Запада относят цивилизации англо-саксонского мира. Ко вторым – цивилизации России, КНР и даже Индии. Под эгидой США в 2021 году прошел так называемый, «всемирный» форум «демократических» стран с попыткой создания некоего «демократического» блока государств. Данный контент постоянно вводится в диалоговые акты встреч, переговоров, обсуждений различного плана. Особенно это оживилось в связи с событиями на Украине, связанные с отношениями различных стран, представляющих свои цивилизационные типы. От этого отмеченные события на Украине вынужденно превращают вербальный диалог в другой формат, формируя гибридный монологический диалог, опосредованный средствами массмедиа. При этом происходит попрание свободы слова через закрытие любых СМИ – каналов российского статуса, провозглашается дискурс «исключения» русской культуры, запрета исполнения произведений русских композиторов, дискредитируется даже популярный на всем Западе Ф. М. Достоевский. Нет сомнений в том, как отмечал в свое время философ И. А. Ильин, что они уродуют «...свой духовный акт, содействуя его оскудению и формализации; они сами дошли ныне до духовной пустоты,

до духовно-бессмысленной техники и самодавлеющего спорта, до так называемого «модернизма», в коем зло выдается за главное, а добро презирается как ненужная сентиментальность; они сами стали жертвой пустой формы...» [4, с. 197]. Сегодня мы наблюдаем превращение межцивилизационного теоретического и вербального диалога, в диалог нагнетания вооруженных угроз и конфликтов. Если ранее над диалогом всегда находилось облако дружественной дискуссии, компромисса, позиции удержания противоречий в статике, то военно-ориентированная форма диалога отбрасывает все это и порождает диалог – войну: дипломатическую, политическую, экономическую, вооруженную.

Однако видоизменение качества диалога имеет своим завершением не консенсус, а победу или поражение. И теперь мы «по исторической справедливости» обязаны победить, чтобы прогрессивные интересы и идеалы не были поруганы и чтобы нам не было стыдно перед отцами и дедами, чтобы наша цивилизационная правда и достоинство с честью восторжествовали. «В чем сила, брат?» – вопрошал герой одного из фильмов 90-х годов и отвечал: «Сила в правде». Отсюда диалог культур и в мирное время и в военное время всегда существует как борьба за правду. Мы убеждены в том, что «... добротель не в благодушии, а в борьбе. Кстати, и русское слово «добротель» означает делание добра[7, с.180].

Наша правда потому и победная, так как она исключает ненависть в цепочке «Я-другой», она терпима, она имеет критерием гуманизм, понимаемый как любовь к человеку, поступающему не просто разумно, а на основе голоса совести внутри его самого. Но это правда знает и отвергает порочную, разрушительную роль нацизма, фашистской психологии. Наша правда стремится творчески утверждать созидательный мир, общество людей возвышающей культуры, сообщество социальной и социокультурной справедливости.

Список литературы

1. *Библер В. С. От наукоучения к логике культуры, Два философских введения в двадцать первый век.* Москва. Политиздат. 1991. 413 с.
2. *Боуз Д. Либертарианство.* Москва. Социум. 2004. С.400.
3. *Дашкова Е. Записки 1743–1810.* Отв.ред. Ю. В. Стенник. Ленинград. Издательство «Наука».1985. 69 с.
4. *Ильин И.А. русскому народу необходимо духовное обновление//Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи./Под ред. Н. П. Полторацкого. США. Совместное издание Св.-Троицкого Монастыря и корпорации Телекс Джорданвилл.Нью-Йорк.1991. 197 с.*
5. *Ирхен И. И. Сближение культур и его культурологические смыслы//Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2014. Т. 20.№ 7. С. 253–256.*

6. Кондрашов А. К чему подтолкнула «Казнь»? На экранах России триллер, который трудно досмотреть до конца//Литературная газета.27 апреля-3мая 2022.№ 17 (6831)
7. Мареев С. Н. Э. В. Ильенков: жить философией. Академический проект. Москва. Издательство «Трикста». 2015. С. 180.
8. Мишурин А. С. Свобода в мире: защита экстерналистского либертарианства//Вопросы философии. № 8. 2019.С.48–58.
9. Паршин П. Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. Москва. Издательство «МГИМО-Университет».2020. С. 180–181.
10. Ремизов В. А. Культурно-цивилизационные процессы. Монография. Москва. МГИК. 2020.132 с.
11. Ремизов В. А. Теория и практика современных культурных процессов в России//Вестник МГУКИ.2014. № 2. С. 15–25.
12. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. Москва. Современные традиции. 2003. С. 152–199
13. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. Москва. Издательство «Согласие».2014. С. 232.
14. Шендрек А. И. Теория культуры. Москва, Издательство политической литературы «Единство». 2002. 520 с.
15. Шибаева М. М. Традиция «взыскиующего сознания» в концепте русской культуры//Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика. Коллективная монография. Москва.МГИК.2018. С. 6.
16. Ясперс К. Истоки истории и ее цель//Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, Политиздат.2014. С. 232.